

— Чтобы спасти свою жизнь, он будет изо всех сил водить Шуй Сэньсэнь за нос.

— Когда Бань Цзинлинь вернется к ней, мы должны оказаться там раньше.

— Я всё выясню, — усмехнулся Цзя Цинь. — На самом деле, не обязательно опережать его. Разве не лучше сначала позволить ей воздвигнуть в душе крепкую стену, а потом разрушить её до основания?

Сказано — сделано. Благодаря их особому положению, заявка на посещение палаты Шуй Сэньсэнь была одобрена довольно быстро — спустя всего неделю, когда состояние её здоровья улучшилось. С другой стороны, Цзя Цинь, используя свои связи, расчистил путь для Бань Цзинлиня, чтобы тот мог без лишних опасностей встретиться с Шуй Сэньсэнь.

Бань Цзинлинь всё так же убеждал её в одном и том же: труп пролежал больше года и давно превратился в нечто невообразимое, так что, если они оба будут придерживаться одной версии — мол, после исчезновения Му Минцзэ никто его не видел, — никто ничего не сможет им сделать. Шуй Сэньсэнь была крайне несведуща в юридических вопросах, а из-за охватившей её паники ей не оставалось ничего, кроме как вцепиться в Бань Цзинлиня, словно в последнюю соломинку.

Полицейские, охранявшие Шуй Сэньсэнь, давно заметили, что у подозреваемой не всё в порядке с психикой. Она часто смотрела с ужасом и подавленностью на пустое место рядом с собой, а чаще — непрерывно что-то бормотала. Движимый состраданием, молодой полицейский предложил начальству оказать ей психологическую помощь, но получил в ответ лишь многозначительный взгляд.

— Тебе не нужно в это лезть. И еще: сегодня днем к подозреваемой придут двое посетителей, действуй вместе с остальными.

Молодой человек размышлял над этими словами, и около шести часов вечера увидел, как к палате направляются двое мужчин с весьма примечательной внешностью. Проверив документы, старший группы пропустил их внутрь, а сам остался ждать снаружи.

Такое распоряжение озадачило полицейского. Перед уходом он внимательно всмотрелся в лица посетителей: один в темных очках казался знакомым, но он не мог вспомнить, кто это. А второй, с корзиной фруктов... да это же Му Дуню, который сейчас на пике популярности!

Пока он сокрушался, что не может попросить автограф, мужчина в очках толкнул дверь. Они вошли и плотно закрыли её, отрезав себя от внешнего мира.

В палате было пусто. Шуй Сэньсэнь лежала на кровати с изможденным видом, её травмированное запястье было заковано в толстый гипс. Она безжизненно смотрела в потолок, шевеля губами — казалось, она пыталась убедить саму себя в чем-то.

Цзя Цинь снял очки и начал вертеть их в руках, произнеся холодным тоном:

— Шуй Сэньсэнь, мы пришли навестить тебя.

Шуй Сэньсэнь прекратила своё нервное бормотание. Она с трудом повернула голову, перевела взгляд на Цзя Цинь и вдруг горько усмехнулась:

— Навестить меня? Цзя Цинь, кто поверит в такую чушь?

Цзя Цинь лишь ответил:

— Я слышал, что в тюрьме ты пыталась покончить с собой, поэтому пришел посмотреть, нужна ли тебе помощь.

— Наверное, ты хотел прийти, чтобы поглумиться надо мной! — В пустых глазах Шуй Сэньсэнь начала разгораться ненависть, отчего голос стал визгливым. — Теперь-то я поняла: еще тогда, на съемках фильма «Смертельный исход», ты постоянно отвергал меня, презирал... Ты с самого начала водил меня за нос, как обезьянку, верно? А ты! Му Дуню!

На её лице появилась злобная ухмылка:

— Мне всегда было интересно, как это ты, новичок, во всём меня обходишь? Теперь ясно: ты просто присосался к Цзя Цинь! Неудивительно, что чуть что — сразу прячешься за спину этого Цзя! Тьфу!

Му Дуню по-прежнему смотрел на неё с ледяным спокойствием, ничуть не задетый её выпадом. Он лишь сухо напомнил:

— Ты ошибаешься. Никогда я и Цзя Цинь не водили тебя за нос. Тебе следует винить Бань Цзинлиня.

Шуй Сэньсэнь бросило в холодный пот. Почему он заговорил о Бань Цзинлине, который, казалось, не имел никакого отношения к их делу? Неужели они знают? Она попыталась сохранить самообладание и закричала:

— Му Дуню! Не думай, что раз твой отец — Минцзэ, ты можешь тут нести всякую чепуху!

Му Дуню промолчал. Он небрежно поставил корзину с фруктами на тумбочку, придвинул стулья для себя и Цзя Цинь. Они сели под смешанным взглядом страха и ненависти Шуй Сэньсэнь, и только тогда он произнес:

— Я же сказал: я знаю, что вы натворили. Украденное всегда нужно возвращать. И не просто возвращать, а с процентами.

Шуй Сэньсэнь утешала себя мыслью, что речь идет о нотных записях. С этой мыслью к ней вернулись силы:

— Ты обвиняешь меня в плагиате? Нельзя бездоказательно вешать на меня такие вещи.

Му Дуню, глядя ей прямо в глаза, холодно и отчетливо произнес:

— Я говорю о жизни, которую ты украла у Му Минцзэ.

В комнате мгновенно воцарилась тишина. На лице Шуй Сэньсэнь на долю секунды отразился ужас, но она тут же взяла себя в руки. Если бы двое мужчин не следили за ней неотрывно, они могли бы этого не заметить.

Когда эта тема была наконец озвучена, Шуй Сэньсэнь, которая должна была прийти в ужас, напротив, собралась и стала жесткой:

— Я слышала, что Минцзэ умер, но о чем ты говоришь — я не понимаю. Хочешь взвалить на меня вину за его убийство? Ха! Ты хоть знаешь, какие отношения были у нас с Минцзэ? Я никак не могла его убить!

— В прошлом году Му Минцзэ начал писать серию песен для возвращения на эстраду. Тогда некий таинственный человек дал тебе крупную сумму денег, чтобы Му Минцзэ навсегда исчез из поля зрения общественности. Ради этих денег ты подсыпала ему лекарство в еду, заточила его и украла его песни. — Му Дуню смотрел ей прямо в глаза, выговаривая каждое слово. — Ты можешь это опровергнуть?

Шуй Сэньсэнь усмехнулась:

— Можешь проверить мои банковские счета и выписки по картам! Хотя раз там появлялась хоть какая-то подозрительная сумма?

Му Дуню отрезал:

— Разумеется, ты не в курсе. Этот таинственный человек был из клана Му. Они уже тогда знали о происхождении Му Минцзэ и, боясь, что старик Му узнает его и это повредит их интересам, вышли на его тогдашнего агента — Бань Цзинлиня.

Шуй Сэньсэнь ответила холодной улыбкой:

— Пытаешься вынудить меня признаться в этом выдуманном преступлении?

— Я просто хочу сказать, что ты и Бань Цзинлинь — убийцы Му Минцзэ. Как бы вы ни дергались, вам не уйти от закона.

Учитывая всё, что было известно кланам Цзя и Му, а также то, что Му Минцзэ видел в прошлой жизни, картина этого убийства была ясна. Хотя в результатах расследования было много того, что невозможно объяснить наукой, и немало информации, которую нельзя было предъявить в суде как доказательство, для одной Шуй Сэньсэнь этого было более чем достаточно.

Му Дуню холодно наблюдал за тем, какая участь ждет этих двоих, что когда-то объединились, чтобы отобрать у него всё.

Шуй Сэньсэнь не собиралась рушиться из-за пары фраз. Она холодно смотрела на Му Дуню, продолжая всё отрицать:

— Если ты считаешь, что это я, то иди к полиции! Пусть они расследуют! Я уже в тюрьме, чего мне бояться?

Му Дуню не стал спорить. Он подошел к Цзя Циньи, одной рукой оперся о спинку стула, а другую засунул в карман брюк. Даже в такой непринужденной позе от него веяло серьезностью и спокойствием. В то же время от него начала исходить странная притягательная сила, и Шуй Сэньсэнь невольно встретила с его прекрасными глазами.

Чернота в очах русалки медленно таяла, словно растворяясь в воде, и проступал глубокий синий цвет. Короткие черные волосы начали отрастать и завиваться, а на кончиках проступил океанский лазурный оттенок. Но самым поразительным было то, что лицо Му Дуню, и без того ошеломляюще красивое, слегка изменилось — его смертоносное очарование, которое он до этого сдерживал, вырвалось наружу.

— Ты... кто ты такой?! — Шуй Сэньсэнь была напугана этой нечеловеческой трансформацией. Она пятилась назад, пока не свалилась с кровати. — Полиция! Полиция!

Му Дуню медленно моргнул, его ресницы, словно вороново крыло, прикрыли глаза, в которых, казалось, назревал шторм. Он посмотрел на Шуй Сэньсэнь с невозмутимым видом:

— Твои старания напрасны.

Сидевший на стуле Цзя Циньи не удержался от смеха, его глаза согнулись в полумесяцы:

— Она пытается позвать тех, кто снаружи?

Му Дуню посмотрел на него и кивнул.

Цзя Циньи снова рассмеялся и сказал Шуй Сэньсэнь:

— Но я не слышу ни звука. Шуй Сэньсэнь, если мы не хотим, чтобы ты говорила, ты не сможешь издать ни слова. Понимаешь?

Му Дуню посмотрел сверху вниз на испуганную женщину, словно на ничтожное насекомое, и холодно произнес:

— У меня есть сотни способов убить тебя, но тогда мое желание не исполнится. Даже если ты

умрешь, я заставлю тебя узнать причину.

— Ты хотела славы — я разрушу твою славу. Ты хотела статуса — я уничтожу твой статус. Ты хотела лезть вверх — я перекрою тебе все пути.

В глазах Шуй Сэньсэнь блеснуло безумие. Она несколько раз попробовала открыть рот и, обнаружив, что может говорить, насмешливо бросила:

— А ты, Му Дуню! Ради своего так называемого приемного отца, которого я даже никогда не видела? Ха! Не думай, что я дура. Я была рядом с Му Минцзэ десять лет и никогда не видела у него никаких детей! Даже не слышала! С какой грязной целью ты присосался к нему?

— Я просто мщу за него.

— Мстишь? — Шуй Сэньсэнь ухватила за это слово, вскочила и закричала: — Опять пытаешься выведать у меня информацию? Говорю тебе, смерть Му Минцзэ не имеет ко мне никакого отношения!

Му Дуню стоял всё так же невозмутимо, и в его взгляде не было ни капли колебаний:

— Сейчас ты ничего не слышишь, но это неважно. Скажу тебе: Бань Цзинлинь сбежал. Всё, что он наговорил тебе — лишь способ выиграть время для своего побега.

Шуй Сэньсэнь перебила его, громко и твердо выкрикивая:

— Я сказала! Я не убивала Му Минцзэ! И не собираюсь признаваться из-за твоих сладких речей!

— Сегодня утром Шихуэй Интертейнмент отправила Бань Цзинлиня в Европу. Скорее всего, он уже не вернется, — Цзя Цинь скрестил руки на коленях, констатируя факт. — Шуй Сэньсэнь, ты можешь спросить кого угодно. И неужели ты правда думаешь, что кланы Му и Цзя не смогут докопаться до истины?

— Если бы вы могли докопаться до истины, зачем бы пришли сюда? — усмехнулась она. — Только чтобы запугать меня и заставить признаться. Цзя Цинь, пусть я не могу с тобой справиться, но...

— Но что? — Шуй Сэньсэнь не успела договорить, как услышала леденящий кровь голос. Она проследила за звуком и увидела у своих ног бледное лицо, которое поднималось прямо из пола. Лицо было ужасающе опухшим, но в нем еще можно было угадать человеческие черты. Пустые глаза безжизненно смотрели на неё, пока призрачная фигура медленно проявлялась.

— Му Минцзэ! — закричала Шуй Сэньсэнь. Она попыталась отползти, но призрак двигался быстрее. В мгновение ока он обвился вокруг её тела, и ледяные губы прошептали прямо на ухо:

— Нет никаких но... Шуй Сэньсэнь... разве это не ты меня убила?

Дыхание смерти было пугающе реальным. Казалось, оно затягивает её в ад. Из туманного тела показались две руки, сковавшие её движения.

— Что ты с ней сделал? — спросил Цзя Цинь, который видел лишь то, как Шуй Сэньсэнь с остекленевшим взглядом смотрит в глаза Му Дуню, дрожа и пытаясь сопротивляться чему-то невидимому.

Му Дуню, чье лицо оставалось каменным, ответил:

— Русалочки штучки. Слишком долго болтать — хлопотно, решил пойти коротким путем.

К этому моменту, не считая отсутствия хвоста, Му Дуню полностью принял облик русалки. Это была красота, с которой не сравнится ни один человек в мире. Даже Цзя Цинь, видевший это много раз, невольно залюбовался.

— Если бы ты вышел в человеческое общество с таким лицом, даже будучи бездарным актером, ты бы всё равно прославился на весь мир, — сказал он.

Му Дуню легко щелкнул его по лбу:

— Дома насмотришься. А теперь, учитель, давайте ваши указания.

Цзя Цинь поднялся и бросил презрительный взгляд на Шуй Сэньсэнь:

— Конечно, нужно добивать, пока есть преимущество.

Русалка слегка приподняла уголки губ — в этот миг, казалось, расцвели сотни цветов. Цзя Цинь чуть не бросился на него, но тут Му Дуню провел рукой по лицу, и, когда он её убрал, перед ним стоял обычный мужчина.

Впрочем, обычным он был лишь по сравнению с обликом русалки. Цзя Цинь узнал в нем лицо Му Минцзэ.

Синева в глазах русалки колыхнулась, и Шуй Сэньсэнь мгновенно вышла из гипнотического транса. Она была в панике, холодный пот пропитал больничную пижаму. И как только она огляделась, радуясь, что спаслась от призрака, она услышала голос из своих кошмаров:

— Шуй Сэньсэнь.

Му Минцзэ стоял прямо в палате. В его черных глазах читались ненависть и безумие. Он смотрел на неё, словно ожидая действий.

— Это не я! Это не я! — Шуй Сэньсэнь начала отчаянно оправдываться. — Всё сделал Бань Цзинлинь! Это он приказал мне подсыпать лекарство! Он заставил меня убить тебя! Это всё его вина!

Му Минцзэ молчал. Он медленно, шаг за шагом, приближался к ней, а она пятилась, пока не забилась в угол.

— Я не хотела тебя убивать! Это Бань Цзинлинь утопил тебя в реке! Я пыталась остановить его! Правда! — она несла бред, лишь бы отговориться. — Иди к нему! Он сейчас в компании!

Свет в комнате внезапно погас. Му Дуню продолжал смотреть на Шуй Сэньсэнь, и эта мертвецкая, пугающая неподвижность выглядела пугающе правдоподобно.

Очевидно, что такой Му Минцзэ, имеющий физическое тело, пугал её еще больше, чем призрак. Она беспорядочно шарила руками по полу, нащупала нож для фруктов и тут же выставила его перед собой.

Цзя Циньи наблюдал за тем, как Му Дуню пугает её, и зевнул.

— Я не хотела убивать! Это всё Бань Цзинлинь! Это его идея!

Му Дуню остановился. Его хриплый голос повторил имя:

— Бань Цзинлинь?

Шуй Сэньсэнь закивала:

— Да, да! Он сказал, что тобой всё равно никто не интересуется, и если убить тебя — ничего не будет! И... и это он первым позарился на твои песни!

Говоря это, она сама себя гипнотизировала, убеждая, что она невиновна, а всё сделал Бань Цзинлинь. Постепенно она даже начала чувствовать себя увереннее:

— Меня заставили! Да, именно так! Почему ты пришел ко мне? Бань Цзинлинь — главный виновник!

— Это ты подсыпала мне лекарство. Это ты заточила меня, — холодно перечислял факты Му Дуню. — Ты скрывала от мира правду о моем исчезновении. Ты вернулась на эстраду, шагая по моему трупу.

— Шуй Сэньсэнь, что ты еще хочешь сказать?

Он медленно приближался, и все её оправдания оказались бесполезны. Но это не значило, что она сдалась. В тот момент, когда Му Дуню подошел совсем близко, дрожащая рука Шуй Сэньсэнь с ножом внезапно стала твердой.

В её глазах горела жажда убийства. Нож быстро и точно вонзился в живот Му Дуню.

Му Дуню равнодушно посмотрел вниз: кроме ножа, на животе не было ни капли крови, а само лезвие выглядело как декорация. Но Шуй Сэньсэнь не остановилась. Она выдернула нож и снова вонзила его с силой — раз за разом, с выражением лица, похожим на оскал демона.

— Му Минцзэ! Я убила тебя один раз, убью и второй! — она безумно тыкала ножом в грудь и живот, каждое движение было сильным и точным. — Раз уж ты мертв, так и молчи! Сидел бы тихо призраком, не пришлось бы страдать второй раз!

— Это ты меня убила. — Холодный голос прозвучал снова. Движения Шуй Сэньсэнь застыли. Она подняла голову и увидела, что Му Минцзэ стоит перед ней в полном здравии. Она посмотрела на свои руки — они были пусты.

— Ну и что, что я убила! Ты сейчас мертвец! Мертвец — так заткнись и проваливай в преисподнюю! — Шуй Сэньсэнь окончательно потеряла рассудок. С ножом в руках она снова бросилась на Му Дуню. — Подумаешь, немного прославился! Вечно строишь из себя святошу! Тошно! Как же тошно!

Она продолжала проклинать Му Минцзэ, Бань Цзинлиня и весь мир за несправедливость к ней. Но нож, в который она вложила всю свою ярость, даже не мог коснуться тела Му Дуню. Маска, скрывавшая её панику, стиралась с каждым новым ударом.

Му Дуню холодно наблюдал за её представлением, его сердце было спокойно.

Спокойная жизнь, которую он так старательно для неё создавал, была воспринята как подачка, а чувство ответственности, долгое время тяготившее его, теперь казалось шуткой. Но сердце Му Дуню оставалось непоколебимым. Он протянул руку, и длинные, отливающие синевой ногти легко коснулись шеи Шуй Сэньсэнь.

— У тебя всегда были хорошие отношения с Бань Цзинлинем. — Шуй Сэньсэнь замерла. Она впилась взглядом в эти руки, а Му Дуню просто стоял и смотрел на неё. — Вместе держали меня взаперти, вместе воровали мои вещи, вместе убили меня, вместе прославились. Не так ли? Раз уж пришло время платить по долгам, вы должны заплатить вместе.

— Ты даже не признаешь своей вины — это отвратительно. Такие, как вы, должны отправиться в ад вместе со мной.

Словно заклинание, все защитные барьеры Шуй Сэньсэнь рухнули. Мужество, с которым она

пыталась убить Му Минцзэ, испарилось. Она начала бессвязно и дрожащим голосом выкладывать всю правду, сваливая всю вину на Бань Цзинлиня — казалось, так она сможет проснуться от этого кошмара.

Цзя Циньи всё это время стоял в стороне. Он смотрел на сломленную Шуй Сэньсэнь, затем на повзрослевшего, спокойного и невозмутимого героя своего задания, и невольно вздохнул.

Объект задания был прирожденным королем. У него сильный дух, выдающийся талант, и единственное, чего ему не хватало — это умения разбираться в людях и отличать добро от зла. Но эти пробелы заполнились сами собой после предательства самых близких людей. Цзя Циньи был уверен: его появление стало для Му Дуню коротким путем к успеху, но он также признавал, что даже без него этот человек рано или поздно отомстил бы сам и занял бы самую высокую вершину.

Дождавшись, когда Шуй Сэньсэнь окончательно обмякнет на полу, а всё важное будет рассказано, Цзя Циньи произнес:

— Готово, всё записано.

Он достал из кармана диктофон и показал его:

— Позже обработаю это и передам в полицию.

Му Дуню убрал ногти, синева в его глазах постепенно утихла. Он кивнул Цзя Циньи, больше не взглянув на Шуй Сэньсэнь.

— Пойдем.

Его внешность медленно вернулась к облику Му Дуню. В комнате, кроме Шуй Сэньсэнь, всё было готово. Цель достигнута, задерживаться было незачем, и они сразу же направились к выходу.

<http://bllate.org/book/19860/1955138>